

Жданов Сергей Сергеевич

РОМАНТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ НЕМЕЦКОГО ХРОНОТОПА В ДОЭМИГРАНТСКОЙ ПОЭЗИИ САШИ ЧЕРНОГО

Статья рассматривает романтические черты маркированного немецкостью хронотопа в доэмигрантской поэзии Саши Черного. Романтический локус представлен либо стихийным пространством, противопоставленным филистерскому, что создает эффект романтического двоемирия, либо пространством, связанным с началами ночи, смерти, темноты.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/10-2/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. II. С. 51-54. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

13. *Cosmopolitan*. N. Y.: Hearst Communications Inc., 2002. 300 p.
14. *Hermeren L.* English for Sale: A Language of the Language of Advertising. Lund, Sweden: Lund University Press, 1999. 201 p.
15. *Vestergaard T., Schroder K.* The Language of Advertising. Oxford: Basil Blackwell, 1985. 182 p.
16. *XXL*. М.: ЗАО «Издательство –Апрель», 2002. № 09. 160 с.

COGNITIVE-PRAGMATIC ASPECTS OF GENDER PARAMETER IN ADVERTISING MESSAGE

Ermakovich Svetlana Petrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Baltic Fishing Fleet State Academy
sermakovitch@yandex.ru

The article considers the types of communication strategies of influence used in advertisements. The Russian-language advertising messages aimed at a male audience, and the English-language advertising messages intended for a female audience are analyzed. The comparison of gender-specific advertising texts allows revealing the differences in several language levels, which show gender stereotypes that exist in today's Russian- and English-language societies.

Key words and phrases: gender; advertisement; communication strategy; gender stereotype; pragmatics; cognitive-communicative space; relevance; information processing.

УДК 821.161.1

Филологические науки

Статья рассматривает романтические черты маркированного немецкостью хронотопа в доэмигрантской поэзии Саши Черного. Романтический локус представлен либо стихийным пространством, противопоставленным филистерскому, что создает эффект романтического двоемирия, либо пространством, связанным с началами ночи, смерти, темноты.

Ключевые слова и фразы: русская литература XX века; поэзия Серебряного века; Саша Черный; немецкость; хронотоп; идиллия; романтизм.

Жданов Сергей Сергеевич, к. филол. н.
Сибирская государственная геодезическая академия
fstud2008@yandex.ru

РОМАНТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ НЕМЕЦКОГО ХРОНОТОПА В ДООМИГРАНТСКОЙ ПОЭЗИИ САШИ ЧЕРНОГО[©]

Произведения Саши Черного отмечены амбивалентностью: в них неразрывно связаны сниженно-бытовое и возвышенно поэтическое, сказочное и реальное, лирическое и сатирическое. В данной работе рассматривается взаимодействие идиллических и романтических черт, встречающихся в описании немецкого хронотопа в доэмигрантской поэзии Саши Черного.

Данная тема также позволяет проанализировать характерные для его творчества мотивы. Во-первых, это мотив странника-беглеца, который имеет под собой романтическую основу. Романтический герой порывает с обществом обывателей, находится в конфликте с окружающим миром и потому не находит себе приюта. Эта общелитературная тема накладывается на частную в «немецких» произведениях С. Черного, в которых нашли отражения личные впечатления поэта, некоторое время прожившего в Германии еще до эмиграции. Лирический герой анализируемых здесь стихотворений – это тоже странник, оказавшийся посреди мира, чужого ему уже в силу географического положения и инациональной маркированности. Кроме того, мотив чужака привносит в описание эффект очуждения, когда привычное для остальных вдруг представляется под необычным углом.

Говоря о мотиве скитальца-изгнанника в творчестве поэта, необходимо иметь в виду и собственный жизненный опыт С. Черного, который был вынужден часто скитаться. Так, по А. С. Иванову, «... в пятнадцатилетнем возрасте он бежал из дому, последовав, кстати, примеру старшего брата» [1, с. 6]. В силу еврейского происхождения С. Черный также имел проблемы при обучении в России: только после того, как отец будущего поэта крестил детей в христианство, мальчик смог учиться в гимназии. Более того, Р. Степанова проецирует на судьбу художника историю блудного сына, правда, без счастливого финала. Отчисленного из петербургской гимназии за неуспеваемость, его в семью обратно не приняли, «...на его письма с просьбами о помощи отвечать перестали. Он скитался по России, дошёл до самой крайней нищеты и безнадёжности» [3]. В итоге приютил юношу совершенно чужой ему человек, житомирский чиновник К. Роше. Характерно также замечание уже о взрослом С. Черном К. И. Чуковского, который в своих воспоминаниях пишет: «Он чувствовал себя в «Сатириконе» чужаком и... не раз говорил, что хочет уйти из журнала» [6, с. 276]. Фактическое место проживания в доэмигрантский период так же, как казалось современникам, было связано с образом скитальца: «...жил... в полутемной петербургской квартире, как живут в номере гостиницы, откуда собираются завтра же съехать» [Там же, с. 277].

Вместе с тем эта жизненная неприкаянность, вполне вероятно, вела к желанию иметь свой уютный дом. Это, с другой стороны, порождает в стихотворениях С. Черного особое отношение «русского» героя-странника к идиллическому пространству (и, в частности, немецкому локусу). В соответствии с амбивалентностью натуры он и желает войти в него, и, в отличие от героев-немцев, не может с ним слиться, что составляет второй характерный мотив в поэзии художника.

Однако маркированный немецкостью хронотоп в ряде стихов С. Черного нельзя отнести к идиллическому. Здесь действуют законы романтического двоения, в ситуации которого находится лирический герой-странник. С одной стороны, это мир немцев-филистеров. При его описании идиллическая уютность становится гротескной, вырождается в сатирический шарж, как, например, в стихотворении «На Рейне». Описание этого мира, в частности, дается через описание его обитателей, в образах которых подчеркнут приземленный, телесный, вплоть до физиологизма, аспект. К ним относятся немки-«самки», эти «перегрузившиеся лососиной» Лорелеи (отметим намеренное снижение романтического образа), что «тянут, как сапожники, рейнвейн» [5, с. 253]; глухие старички; длинный немец с моноклем. Мотив совместной еды (и питья), изначально идиллический, переплетается с общим мотивом разбухания, расширения тела в пространстве как в прямом, так и переносном смысле: «размокшие от восклицаний самки», расстегивающие от переизбытка медленно крючки одежды; их мужья, «пыжащиеся окрест» (т.е. раздувающиеся во всех направлениях) в патриотическом азарте [Там же]. Глаголы, используемые при описании действий филистеров, также сопровождаются негативной коннотацией: немцы облизываются, пялятся, чиркают, сюсюкают. Эти персонажи-обыватели низводятся до животного уровня («плавающая конюшня» [Там же], «тли на розе» [Там же, с. 254]), и до неодушевленного (крикливый «упитанный восторженный шаблон» [Там же]). Значение механистичности, заключающееся в слове «шаблон», соотносится с повторяющимися восклицаниями немки: «Ах, волны! Ах, туман! Ах, берега! Ах, замки!» [Там же, с. 253]. По сути, перед нами симулякры, которые не имеют смысла и не выражают фактически ничего, кроме следования предписываемому шаблону поведения. Повторение этих общих мест, как и циклизация процессов еды и питья, вызывают аллюзии с образами механических кукол, непонятным образом вторгшихся в мир живых людей.

При описании данного пространства снижение касается не только романтического образа Лорелеи, но и самого пейзажа. Так, изображение прирейнского замка приземляется с помощью детали – проветриваемых пунцовых перин. Этот филистерский мир намеренно ограничен, подчеркнуто национален и соответственно противопоставлен всему чужому: как подчеркивает герой-наблюдатель, претендуя на окружающее пространство, немцы пыжались не просто, а на иностранцев. Но русский герой оспаривает эти претензии, доводя образ идиллического пространства до «кулинарного» абсурда: «Ваш Рейн? Немецкий Рейн? Но разве он из пива, Но разве из колбас прибрежный смелый склон? <...> Нет, Рейн не ваш!» [Там же, с. 254].

От этого мира раздраженный созерцатель, как типичный романтический персонаж, отворачивается, оставляет его за спиной, чтобы наблюдать истинный в его понимании мир – мир природы, который, несмотря на отсутствие людей, представляется лирическому герою более одушевленным, чем филистерский локус: «зелено-желтая вода» поет, жемчуга танцуют «в пене волн», «ползет туман задумчиво-невинный», «сбежали виноградники к реке» [Там же]. Данное природное пространство можно назвать немецким лишь условно. Оно характеризуется романтической стихийной грандиозностью и силой («крючи буйных скал», «темнеющих лесов безумные лавины», «мощный взлет» замка-коршуна на «голове скалы» [Там же]), что недоступно восприятию филистера.

Рейн обывателей непохож на Рейн лирического героя: для этого Рейн слишком «светло-прекрасен, изменчив и певуч, свободен и тосклив, неясен и кипуч, мечтательно-опасен, и весь туманный крик, и весь глухой порыв!» [Там же]. Из этого описания можно от противного вывести характеристики филистерского локуса: он лишен подлинной эстетики (не-прекрасен и не-музыкален), определен (не-изменчив, ясен, не-мечтателен, не-туманен), ограничен и механистичен (не-свободен), но в то же время более приспособлен к существованию обычного человека: весел (не-тосклив), прост и безопасен. Так исподволь звучит романтическая тема враждебности дикой природы людскому миру. Активное противостояние этих локусов задается чередой антитез: «От ваших плоских слов, от вашей гадкой прозы исчез мой дикий лес, поблек цветной поток...»; «Гримасы и мечты, сплетаясь, билась в Рейне» [Там же]. Мир бюргерский – это «тли»; природа – это роза, на которой они паразитируют. Природным ландшафтам противопоставлен артиллерийский луг. Это разделение проходит на уровне звуков: с одной стороны, пошлые восклицания, смех и звон стаканов, с другой – поющая волна. Как видим, мир природы в соответствии с романтической традицией эстетизирован (соединен с искусством) и одухотворен. Причем данный природный локус не является природным в прямом смысле. В большей степени это онирический мир, подернутый пеленой «таинственного тумана» и неразрывно связанный с самой «личностью» героя. Здесь пейзаж соединяется с мечтами, воспоминаниями, литературными аллюзиями: «Я думал о весне, о женщине, о Гейне и замок выбирал на берегу» [Там же].

Итак, этот природный немецкий локус условен вдвойне: и как немецкий, и как природный. Субъективная его составляющая является источником для романтической иронии, например, в стихотворении «Дамоклов меч». Данное «природное» пространство является горным, каменным: «Рудой гранит каменоломни раскрыл изломы и зубцы» [Там же, с. 248]. Горный скалистый пейзаж воплощает в себе романтическую мысль о дикой, не освоенной человеком природе, задавая в то же время символическую вертикаль, соединяющую человеческий и небесный миры: «Присело небо на обрыв» [Там же]. Локус также характеризуется буйством звуков и цветов, которые смешаны друг с другом в стихийном единстве: «Неумолкая свищут птицы»; «Кишит жужжаньем желтый цвет»; «лесной матовый скрип» [Там же]. Это пространство сочетает в себе черты уюта («Под пышной липой так тепло мне...») и одновременно оргиастического опьянения красотой мира («смотреть, пьянясь, во все концы»; «напьюсь, как зверь, на много лет») [Там же].

Этому «верхнему» стихийному миру противопоставлен «нижний», человеческий мир, который уподоблен опасному животному через метафору «пасть дола», в которой «краснеют пятна черепиц» [Там же]. Вообще, такая антитеза характерна для творчества С. Черного. Для сравнения можно привести стихотворение «Два желания», в котором в шуточной форме разграничен локус «вершины голой» как места аскетического служения искусству (написания «простых сонетов») и «дола людей», связанного с телесными потребностями, откуда можно получать «хлеб, вино и котлеты» [Там же, с. 61]. В произведении «Дамоклов меч» опьяненный природой созерцатель ошарашенным взглядом окидывает людской локус, в сомнении вопрошая самого себя: «Я там живу? У фрейлейн Тиц?» [Там же, с. 249]. Но дол не отпускает героя, не дает ему забыть и раствориться в стихийном мире вершины. Его маркером-напоминанием служит филистерский «глупый вензель на скамейке», который выступает в роли выразителя приземленного здравого смысла: «Долой иллюзии, долой! <...> Спешите, брат, вниз! Чрез час обед. На две минуты опоздаешь – ни габерсупа, ни котлет!» [Там же].

Впрочем, природный и человеческий миры не всегда противопоставлены в творчестве поэта. Так, в стихотворении «Разгул» (с пометкой «Гейдельберг») хотя и присутствуют черты романтического стихийного буйства («Буйно-огненный шиповник, <...> Как несдержанный любовник разгорелся слишком ярко и в глаза, как пламя, бьет!»; «Виноград, бобы, горошек лезут в окна своевольно...») и опьянения красотой и любовью («Хоровод влюбленных мух. Мириады пьяных мошек...») [Там же, с. 283], но в целом этот хронотоп можно назвать, скорее, идиллическим. Над мотивами конфликта преобладают мотивы объединения, гармонизации обоих миров. Шиповник превращается в соединительную арку, переброшенную от балкона до ворот, т.е. фактически играет роль проводника-посредника. «Мягкий, нежный и желанный» цвет глицинии переплетает лепной карниз и томно свешивает вниз кисти [Там же]. «Вершина» и «дол» сливаются в уютное единство, которое превращается в сказочное бесконфликтное онирическое пространство, венчаемое на шпилье колокольном «зачарованным петухом» [Там же].

Остраненный взгляд созерцателя выхватывает пейзаж в другом стихотворении С. Черного «Осень в горах» (с пометкой «Оденвальд»). Как уже явствует из самого названия, людского «дола» здесь нет и в помине, зато, «как в бёклиновских картинах, краски странны...» [Там же, с. 274]. Здесь нет следов человека, а только дикая природа: мрачные ели на стремнинах, кручи, обрывы. Это пространство отмечено хаотичностью («в фантастичном беспорядке перспективы» [Там же]), все тем же буйством красок («На деревьях задремавших все окраски. Зеленъ, золото, багрянец...») [Там же, с. 275] и оргиастичностью («Их игра, как дикий танец...»; «В вакханалии нестройной и без линий...») [Там же]. Вектор движения устремлен вверх: «Лес растет стеной, взбираясь вверх по кручам, беспокойно порываясь к дальним тучам»; «Облаков плывут к вершине караваны...» [Там же]. Упоминание же бёклиновских картин, как и в стихотворении «На Рейне» упоминание Лорелеи и Гейне, служит сигналом, что речь идет о пространстве онирическом, «сверхреальном», в котором «желтый фон из листьев павших ярче сказки» [Там же].

Еще один вариант романтического локуса, наряду с природным – это сверхъестественное пространство, связанное с нечистой силой и смертью. С его описанием мы сталкиваемся в стихотворении «Предместье» (с пометкой «Гейдельберг»). Хронотоп немецкого городка здесь представлен амбивалентно. Одно его «лицо» – дневное. Это типичное маленькое, ограниченное пространство (сжатые строки «в тесный ряд» «хмурые домишки» с узкими улочками), наполненное жизнью (расшавившиеся и кричащие мальчишки) и отмеченное циклической ахронностью («С колокольни льются звоны, как когда-то, как вчера...») [Там же, с. 277]. Второе «лицо» – ночное. Оно маркировано атрибутами смерти («неживая черная тень») и нечистой силы («Силуэт летучей мыши прочертил над головой») [Там же]. Пространство теряет свои дневные определенные очертания: «Словно выше стали крыши в черной тени неживой»; «Тонет в сумраке долина» [Там же]. Таким образом, городской локус тоже становится онирическим (как, например, в стихотворении «На Рейне»), только грезы эти ночные: «Замер сонный городок» [Там же]. Между тем данное «сонное» пространство остается ахронным, зафиксированным во времена средневековья: «Снятся средние века...» [Там же].

Изображение локуса напоминает парафраз описания небольшого городка З. на Рейне из повести И. С. Тургенева «Ася». Оба пространства связаны со средневековьем. Если во втором случае средние века сняты, то в первом – «...слово: „Фретхен!“ – не то восклицание, не то вопрос – так и просилось на уста» [4, с. 201]. Эта специфическая ахронная черта перешла из XIX века в XX в. Для сравнения приведем впечатления о Любеке Т. Манна, одного из самых чутких к проблеме времени писателей: «...в самой атмосфере города осталось нечто от духовного склада людей, живших... в последние десятилетия пятнадцатого века...» [2, с. 307]. Впрочем, сходство в описании пространств у художников этим не исчерпывается. В повести «Ася» по вечерним улочкам гуляли «...немочки и, встретясь с иностранцем, произносили приятным голосом: „Guten Abend! – а некоторые из них не уходили даже тогда, когда луна поднималась из-за островерхих крыш стареньких домов...» [4, с. 200]. В стихотворении же С. Черного «Предместье» «...ходят девушки, обнявшись» пол «лунным ободком», и говорят лирическому герою, которого «давит серая чужбина», «Добрый вечер!» [5, с. 277]. «Это слово, словно светлый серафим» [Там же], становится для русского героя посредником (как ангел является посредником между человеком и богом), вводящим скитальца в чужое пространство, делающим последнее чуть-чуть своим: «И у странника чужого сердце тянется к чужим» [Там же, с. 278].

Наконец, еще один образ ночного города представлен в стихотворении С. Черного «Декорация» (с пометкой «Гейдельберг»). В самом названии, связанном с театральностью, видится не раз уже упоминавшееся переплетение реальности и искусства. В описании пространства присутствуют черты романтического пейзажа, в котором объективное и субъективное неотделимы друг от друга: старая башня; река, представляющая собой «мерцающую зыбь чернил и огненных зигзагов» (отметим сочетание противоположных начал – света и тьмы); «бездомный вихрь» (мотив скитальца), который «...поет, как альт, и хриплым басом воет»; полные «тревогой смутной» аллеи туй [Там же]. Это локус сна (объятые сном фиакры) и смерти (мокнущие

скамейки «мертвее саркофагов»; «Дома мертвы» [Там же]). И в то же время среди этого торжества хаотического водного начала, представленного дождем и рекой, скиталец парадоксальным образом обретает утраченный уют, которого он не имеет внутри идиллического пространства. Лирическому герою (в отличие от сбившихся под навесом ворчащих возниц) «...в прохладной дымке струй так дьявольски уютно!» [Там же]. Это косвенное упоминание нечистой силы – еще одна отсылка к романтическому пространству.

Итак, в ряде стихотворений С. Черного доэмигрантского периода маркированное немецкостью пространство имеет романтические черты. Оно отмечено стихийностью, безлюдностью, ониричностью, иногда связью с началами ночи, смерти, распада. Имеются случаи романтического двоемирия, когда высшей прекрасной реальности противопоставляется пространство филистеров. Лирический герой в этих произведениях напоминает фигуру романтического неприкаянного скитальца, который, с одной стороны, чуждается обывателей (мотив чужеродности здесь усилен благодаря попаданию в инонациональную среду), а с другой – тоскует по домашнему уюту.

Список литературы

1. **Иванов А. С.** Оскорбленная любовь // Черный С. Собр. соч.: в 5-ти т. М.: Эллис Лак, 1996. Т. 1. Сатиры и лирики. Стихотворения. 1905-1916. С. 5-30.
2. **Мани Т.** Собр. соч.: в 10-ти т. М.: Гослитиздат, 1961. Т. 10. Статьи. 696 с.
3. **Степанова Р.** Обманчивый псевдоним Саши Черного [Электронный ресурс] // Слово/Word. 2006. № 52. URL: <http://magazines.russ.ru/slovo/2006/52/st20.html> (дата обращения: 09.07.2014).
4. **Тургенев И. С.** Собр. соч.: в 12-ти т. М.: Художественная литература, 1978. Т. 6. Повести и рассказы. 1854-1860. 367 с.
5. **Черный С.** Собр. соч.: в 5-ти т. М.: Эллис Лак, 1996. Т. 1. Сатиры и лирики. Стихотворения. 1905-1916. 464 с.
6. **Чуковский К. И.** Собр. соч.: в 15-ти т. М.: Агентство ФТМ; Лтд., 2012. Т. 5. Современники. Приложение. 480 с.

ROMANTIC TRAITS OF THE GERMAN CHRONOTOPE IN PRE-EMIGRANT POETRY OF SASHA CHERNY

Zhdanov Sergei Sergeevich, Ph. D. in Philology
Siberian State Academy of Geodesy
fstud2008@yandex.ru

The article considers the romantic traits of the chronotope marked by Germanness in pre-emigrant poetry of Sasha Cherny. Romantic locus is represented either by a spontaneous space, contrasted to philistine one, that creates the effect of romantic dual conception of reality or by space associated with the beginning of the night, death, darkness.

Key words and phrases: the Russian literature of the XX century; poetry of the Silver Age; Sasha Cherny; Germanness; chronotope; idyll; Romanticism.

УДК 81'373

Филологические науки

Статья посвящена семантической многоплановости слова «совесть» в русском языке и русской духовной культуре. Рассматриваются основные составляющие плана содержания названной лексической единицы в русской языковой картине мира и семантическом пространстве русской лингвокультуры, выделяемые на основе анализа исторических и современных лингвистических и энциклопедических словарей. Основное внимание уделяется структуре современной семантики исследуемого словесного знака, в которой сосуществуют два семантических пласта: этико-нравственный и духовно-нравственный, – и необходимости их адекватного отражения в толковых словарях современного русского языка.

Ключевые слова и фразы: духовная культура; языковая картина мира; развитие языка; этимология; семантика слова; семантический компонент; семантизация; лексикография; лингвистический словарь; энциклопедический словарь.

Загоровская Ольга Владимировна, д. филол. н., профессор

Шевченко Ирина Сергеевна

Воронежский государственный педагогический университет
olzagor@yandex.ru; lirishechka@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ МНОГОПЛАНОВОСТЬ СЛОВА «СОВЕСТЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И РУССКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ (ПО ДАННЫМ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ)[©]

В настоящее время не вызывает сомнения тот факт, что понятие «совесть» относится к числу основных категорий русской духовной культуры [10, с. 375-385; 14, с. 662-675; 19, с. 160-169; 22, с. 121-126; 28, с. 46-48]. Отмеченное обстоятельство определяет несомненную значимость словесного знака, номинирующего данное понятие в лексико-семантической системе русского языка, и интерес к изучению его семантики в русской языковой картине мира и пространстве русской лингвокультуры.